

Москва

11
2011

ЖУРНАЛ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

Москва

11
2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Сергей ЦВЕТКОВ. **Да пребудем в этом мире.** *Стихи* 3
Сергей ПЫЛЁВ. **Избранники народные.** *Повесть* 7
Марина КОТОВА. **В верховьях времени.** *Стихи* 41
Михаил ПОПОВ. **Паническая атака.** *Повесть* 48
Александр СУВОРОВ. **Пролетая над гнездом.** *Стихи* 141
Лев АНИСОВ. **Осенью.** *Рассказ* 147

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь ДРУЗЬ. **Украинский национализм как фактор деградации народа Украины** 152
Анна ФЕДОРЕЦ. **«Я надеюсь на милость Бога…»** 160

Что изменилось?

Евгений ЗАМЯТИН. **Сказки про Фиту** 173

КУЛЬТУРА

Сергей АНТОНЕНКО. **В поисках забытых снов** 178
Михаил ЧЕРТОК. **Василий Агапкин и его марш «Прощание славянки»** 184

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Глеб ЕЛИСЕЕВ. **Святой забытый монарх.** — Марина КОЛТЫПИНА. **«Желая… содействовать процветанию искусств в России».** — Александр МРАМОРНОВ. **Богословие действия** 196

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Василий АВЧЕНКО. **Мирная жизнь** 205

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Владимир ЧУВИКИН. **«Книжная справа сейчас несвоевременна»** 231
Ольга РОЖНЕВА. **Молитва священника** 236

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР **Л.И. БОРОДИН**

Заместитель главного редактора А.Н. ПОЗИН (691-83-86)
И. о. ответственного секретаря О.И. КИРЕЕНКО (691-83-64)
Отдел поэзии и прозы Е.М. УСТИНОВА, Т.А. НЕРЕТИНА (691-68-01)
Отдел культуры К.А. КОКШЕНЕВА (691-83-64)
Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (691-68-01)

Председатель Совета издателей А.Ю. БЫКОВ

Исполнительный директор В.В. КОВАЛЕВ (691-83-91)
Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (691-83-84)
Заведующая редакцией А.С. БОЯРИНОВА (691-71-10)
Корректор О.И. ИВАНОВА
Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 25.10.11. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
Тираж 3450 экз. Заказ 2821.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

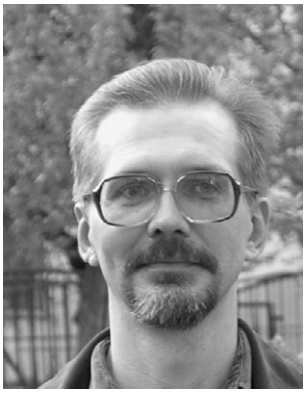
Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, **15612** — «Пресса России», **45211** — каталог «МАП».
Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.
Электронная версия журнала: www.moskvam.ru
e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат». 142300, г. Чехов Московской области. Факс +7(49672) 6-25-36, +7(499) 270-73-59. Телефон (многоканальный) отдела продаж услуг: +7(499) 270-73-59. Сайт: www.chpk.ru; e-mail: marketing@chpk.ru

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 11, 2011

ДА ПРЕБУДЕМ В ЭТОМ МИРЕ

* * *

Этот берег, пустой и безмолвный,
одичалому ветру открыт.
Под обрывом колышутся волны,
вьется тропка меж траурных плит.
Крики чаек тоскливо-гортанны
над соленой пустыней воды,
и виднеются в дымке туманной
голубые, как воздух, платаны
на уступе скалистой гряды.

Как немыслимо просто прощенье
дарит сердцу священный покой!
Взмыть бы чайкой в простор голубой
и услышать прощальное пенье
где-то в темной дали грозовой!..

Творение

Шесть дней не покладая рук
Трудился Плотник. На заре
Вставал и под веселый стук
Он что-то строил во дворе.

Сергей Эдуардович Цветков родился в 1964 году в Москве. Окончил исторический факультет МОПИ.

Автор книг о Карле XII, Дмитрии Самозванце, Петре I, Иване Грозном, А.В. Суворове, Александре I, исторических рассказов и очерков «Великое неизвестное», «Государственные тюрьмы Европы (Бастилия и Тауэр)» и др.

Стихи публиковались в светских и церковных периодических изданиях.

Лауреат премии журнала «Москва» за 2009 год.

Живет в Москве.

Он сваи вбил, срубил помост
И черным бархатом покрыл.
Своей рукой он сонмы звезд
На бархате изобразил.

Все получалось у него.
Соседи в голос, как один,
Превозносили мастерство
И опытность его седин.

...Но вот закончил. Вытер пот.
И Сын взошел на эшафот.

* * *

Новгородская губерния!
Как непрошеный колдун,
на сто лет тебе, наверное,
вспять часы переведу.

Край без времени и имени!
Вот и помнишь так легко,
как в широком, вольном Ильмене
рыбку выловил Садко.

Новгородская губерния!
Глушь... леса... вороний грай...
Под какой зарей вечернею
тихо умер твой Буслай?

Осенний дождь

Он капал, капал, капал, капал,
он наводил немую грусть,
и я столбцы его вокабул
с утра запомнил наизусть.

Вершилось тайное возмездье
в сомнамбулической тиши,
и он захватывал предместья
моей мятущейся души.

Он мстил за теплый, спелый август,
за скрип калитки в поздний час,
за нежный запоздалый ракурс
из-за плеча блеснувших глаз,

за безрассудное желанье
в ту даль мечтой умчаться прочь,
когда забудет расстоянья
усталая, как память, ночь.

* * *

Оттого ли, что с тихою болью
вспоминаю минуты обид,
оттого ли, что только с тобою
сердце ласковой песнью звенит,

оттого ль, что дороже святыни
эти мушки на милых плечах,
верю — нет, никогда не остынет
огонек в путеводных очах!

Конец и начало

Во времена императора Тиберия некие путешественники,
Проплывавшие мимо о. Паксос, слышали крики:
«Пан мегас тефнике!» — что означало: «Умер великий Пан!»
Было это в 33 г. н. э.

Из Плутарха

Ветер тростник качает,
скорбно шумят леса.
В море тревожном чаек
слышатся голоса.
Смолкнул напев свирели,
и не звучит тимпан.
Звери осиротели —
умер великий Пан!

А далеко на востоке
предрассветная мгла
город царей и пророков
медленно обволокла.
В темной пустой гробнице
воздух тяжел и сперт.
Чистую плащаницу
тихо целует Петр.

Логос

Когда вселенский дремучий хаос
дышал стихиями первооснов,
всемирный Логос, во тьму спускаясь,
сцепил пространство в кольцо миров.

Он постоянство назвал движеньем,
измерил Вечность теченьем лет.
Его сияния отраженьем
мерцает разума бледный свет.

Он нашим душам открыл дорогу
к себе — в прозрачный, пустой эфир.
Кто понял Слово — тот понял Бога.
Кто принял Бога — приемлет мир.

Русским поэтам

Срывали венчики цветов,
вплетали в волосы веснянок,
впивали горечь вещих снов,
а на губах — от счастья пряно!

Ловили всплеск лучистых крыл,
плескались в огненных просветах,
и кто-то — струнный — вдруг открыл
то — недоступное поэту:

зеленый звон склоненных трав,
крови напорное бурленье,
дождя грустящего октав
неиспаримое паренье,

гул изнывающих ветров
и мховое лесов молчанье,
и колокольное звучанье
негаданно пропетых слов.

Так замолчал Заратустра

В небе сумрачно и пусто,
как на чердаке.
Плачет пьяный Заратустра
в темном кабаке.

А хозяин — черный ворон,
молчалив и строг, —
смотрит пристально с укором:
как же — умер Бог?

Вот вино, как причащенье,
коль с людьми не схож.
А цена за угощенье —
стертый лунный грош.

Ветер облачную ветошь
изодрал в куски.
Заратустра, что ответишь
с русской-то тоски?

Сердце в Божии ладони
просится само.
Перед смертью кто простонет
Богу — «nevermore»?..

Как прощение, снаружи
полыхнул закат.
В первый раз тебе не нужен
вечный твой возврат.

В миг один, как за полвека,
нарастает тишь.
Превзошедший человека,
что же ты молчишь?

...Хлопнул дверью. За порогом —
первый чистый снег.
Черный ворон каркнул: «С Богом,
милый человек!»

Молитва

Да пребудем в этом мире,
Каждый светло-простодушен,
Испытаем искус змия,
Свет души и мрак отдушин.

Да пребудем изначально,
Да пребудем бесконечно.
Мы дарили, но случайно,
Мы любили, но не вечно.

Мир застыл в дремоте сладкой,
Сон почти что беспробуден...
Так помолимся украдкой:
Да пребудем, да пребудем!..

СЕРГЕЙ ПЫЛЁВ

ИЗБРАННИКИ НАРОДНЫЕ

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году. Член Союза писателей России с 1984 года.

Печатается в «Литературной России», журнале «Провинциальный Воронеж», «Молодежь и православие» (издается при воронежском Воскресенском храме).

Живет в Воронеже.

ПОВЕСТЬ

Блаженство каждого и всех...

Да посрамит небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства.

Императрица
Екатерина Великая

Личным имиджмейкером почетного гражданина города Воронежа Анатолия Ивановича Фефилова я стал случайно. И, хотите — верьте, хотите — нет, в немалой степени благодаря императрице Екатерине Великой.

В прошлом году я весь декабрь прожил в областном архиве, с утра до вечера занятый прорисовкой генеалогического древа господина Фефилова, кстати, моего одноклассника и соседа по дому. Подъезды разные. С тех пор как наши книгоиздатели присягнули на верность законам свободного рынка, я худобедно подкрепляю свою пенсию не литературными публикациями, а сочинением юбилейных поздравлений в стихах, поэмами об успешных фирмах или, на худой конец, родословными лабиринтами с желательным выходом на титулованных предков, что существенно сказывается на размере моего гонорара.

Относительно Анатолия Ивановича мне поначалу вроде бы не повезло. Ни в каких связях его «прапра...» не состояли с былыми князьми-графьями, боярами, не сыскалось среди них даже худородных дворян или хотя бы кого из мещанского племени. В архиве я лишь обнаружил одного документально подтвержденного реального предка моего соседа, коим был однодворец воронежской провинции Ефим Иванович Фефилов, родившийся в 1740 году.

Однодворцы в Российской империи проходили по категории государственных крестьян, но ко всему могли законно держать крепостных.

Это сословие образовалось из потомков служилых людей «по прибору» разных чинов, как-то: детей боярских, казаков, стрельцов, рейтаров, драгун, солдат, копейщиков, пушкарей, затинщиков, воротников, засечных сторожей, несших дозорную и сторожевую службу на южной границе в XVII–XVIII веках и которым по тем или иным причинам не было присвоено дворянство. Всем им раздавались на поместном праве отдельными участками на каждого человека особо земли, на которых они селились отдельными дворами в слободы. В состав их поступили впоследствии и некоторые старинные дворянские роды, сделавшиеся мелкопоместными, а при Петре I иные дворяне, уклонившиеся от нового порядка службы, имевшие по 100 и по 200 дворов крестьян, тоже записались в однодворцы.

Однако далее меня ждало явное открытие. Ефим Фефилов оказался однодворец особый, выдающийся. Можно сказать, исторически знаковый. Ему бы вперед следовало ставить в Воронеже памятник, нежели никогда не бывавшему у нас Высоцкому.

Знаменитость Ефима Фефилова была обеспечена прежде всего тем, что он в свое время принадлежал к когорте первых российских парламентариев. А стал он с ними плечом к плечу после избрания всем воронежским обществом весной 1767 года депутатом, одним из 652 человек, созванных со всех концов империи Екатериной Великой, дабы они создали из хаотической массы старых законов и указов Уложение о новых началах тогдашней жизни. Их основы были собственноручно начертаны императрицей в ее «Наказе», пронизанном идеями просветительства, свободы и равенства. Кстати, вместе с Фефиловым наш край представляли в Москве такие депутаты, как подполковник, старший дворянин Степан Титов (герой взятия Берлина в 1760-м, позже похороненный на Чугуновском кладбище, на месте коего теперь телевышка и ледовый дворец «Юбилейный») и памятный воронежцам по сю пору купец-фабрикант и суконщик Семен Авраамович Савостьянов (его первый в городе каменный трехэтажный жилой дом, по адресу Плехановская, 3, до сих пор украшает Воронеж дворцовыми мотивами).

Ко всему в моих руках оказался архивный подлинник «Наказа» Екатерины Великой, принадлежавший некогда Ефиму Фефилову. Его вольнодумными статьями восхищался сам Вольтер. А вот граф Никита Иванович Панин, воспитатель будущего императора Павла Первого, точно позабыв про свой дипломатический талант, прямодушно назвал это законодательное творение Екатерины сборником аксиом, способных опрокинуть стены державы. Он трепетал, читая такие фразы императрицы, как «власть без народного доверия ничего не значит» или «свобода — душа всех вещей, без тебя все мертво».

Екатерина великодушно отступила перед паническим напором, извините, Панина и небрежно сожгла в печи многие самые задиристые главы. Но вовсе не сдалась. Призвав в Москву первых депутатов России, Екатерина II с твердой немецкой романтичностью и в то же время с истинным русским азартом объявила им: «Пусть мой “Наказ” поможет устроить добрый порядок в государстве, сделать его грозным в самом себе и внушающим уважение соседям. Что значит настоящая беда перед прошлыми? Пойдем бодро вперед! Зададим мы звону, какого не ожидали!»

Многое из «Наказа» Екатерины я позже использовал в разработанной мной имиджевой методике для Анатолия Ивановича Фефилова, когда в начале года областная администрация предложила ему баллотироваться в депутаты Думы с прицелом на должность спикера нашего местного парламента.

На прошлой неделе после Рождества Фефилов стал «самовыдвиженцем»: тиснул в избирком заявление об участии в выборах депутатов областной думы по весне, в марте. Так что он теперь на каждом шагу отстегивает. У Анатолия Ивановича во всех карманах его джинсовой безрукавки припасены «пятитысячные».

Теперь вы поняли, о каком Фефилове я говорю? Да, это тот самый, бывший главный инженер колхоза «Заветы Ильича», потом первый секретарь Семилукского райкома комсомола, далее Воронежского обкома ВЛКСМ второй секретарь, который в середине 90-х годов прошлого века успешно обрел себя на поприще бизнеса. Поначалу был рядовым челноком, потом цистернами перепродавал спирт из одной небезызвестной кавказской республики и даже подрядился ржавевшие бесхозно в местном аэропорту пассажирские «тушки» и неуклюжие Аны толкнуть в Афган. Туда, где 27 декабря 1979-го штурмовал дворец Амина Дар-уль-аман в составе 9-й роты 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка и чуть было не сложил голову. Позже Фефилов затеял и вовсе изощренно-хитрое бизнес-партнерство с нашей атомной электростанцией и пару раз успешно втюрил разным предприятиям ее могучие токи. Кому за автошины, кому за зерно. И все это добро опять-таки очень прибыльно уехало в вагонах в сторону Кабула. Фефилов весьма себя после всего этого зауважал. Даже походка у него изменилась, стала какой-то прыгучей, лунной, точно силы земного тяготения несколько перестали действовать на Анатолия Ивановича. Сейчас они, наверное, и вовсе потеряли над ним власть. Ныне Фефилов учредитель самой крупной в городе (более пятидесяти АЗС) топливной компании.

А вот для меня этот человек, будьте любезны, был и остается просто Толиком или Пушкиным, как его с малых лет окрестил наш двор. Жаль, не Цыганом. При вполне славянской носатой физиономии волосы бензинового короля в мелких густых кудряшках. Правда, дико черного цвета с синеватым отливом на ярком солнце. Ромалы лэй, да та чавэла лэй?! Мора, одним словом, в чистом виде. И умора. Часто шутит: «Мать гульнула...» Да и вообще этот брат Пушкин при состоянии, не намного уступающем былым денькам небезызвестного Ходорковского Михаила Борисовича, самый настоящий дворовый пацан и, несмотря на возраст под шестьдесят, каких только народных матерых прибауток не выдаст: «Под лежачего офицера водка не течет», «При чем участковый милиционер, если свинью грозой убило?», «Арбайтен них гут, спать с женщиной есть хорошо»... И так далее и тому подобное.

А началось все у нас с Фефиловым в смысле предвыборной лихорадки со звонка в мою дверь. Аккуратного такого, почти ласкательного. Явно вызванного милой женской ручкой. Я как супругу похоронил, уже второй год замшелый вдовец. А тут в квартире, кажется, даже духами волнующе запахло. Нормальными. «Шанель» не «Шинель», но вроде бы «Опиум»? Для народа... Может быть, пришла жена Анатолия Ивановича Ритуля отчитать меня за коньяк, который я снова ходил брать ночью в шикарный гипермаркет «Метро» для ее олигархического мужа?

Такой факт действительно имел место сегодня, в три часа сочной февральской ночи. Одним словом «человека человек послал к анчару грозным взглядом, и тот послушно в путь потек и к утру возвратился с ядом». Посреди застолья, организованного мной на скорую руку (остатки увядшей селедины и воинственная картечь холодной картошки при мундире вкупе с сыром, плачущим последними мутными слезами), я изысканно выставил раритетный армянский «Арарат». Лимончик струганул.

Известно, что у нас на Воронеже «веселие Руси» есть весьма продвинутое занятие. Сказывается близость донского казачества. Так, проводы гостя или даже любого случайного собутыльника, имя которого ты так и не успел толком усвоить, всегда превращаются в особый этнографический ритуал: отбывающему восвояси полагается принять чарочку «На посошок», «Запорожную», «Коню в морду», «Стременную»... Всего около двадцати трех концевых чарок.

Откушав «Прощальную», Пушкин повертел у меня перед носом удостоверением кандидата в депутаты. Невзрачное такое, вроде библиотечного читательского билета.

— Имею на то полное право! — с номенклатурными густыми интонациями четко обозначил свою позицию Анатолий Иванович.

Кстати, голос у Пушкина всегда отличался командирским напором и таким густым, дерзким рокотом, от которого тараканы разбегались по щелям. Людей тянуло броситься на землю и начать спешно окапываться. Сказывалось, что человек в свое время с отличием окончил Ростовскую высшую партийную школу. Его неплохо научили доходчиво и руководяще общаться с народом. Простым и очень простым.

— Все это тебе в копеечку влетит... — умно сказал я.

— Чего бы ты понимал... — по-цыгански прищурился Анатолий Иванович. — Сегодня политика — лучший бизнес. А я и сейчас не намного беднее... Абрамовича.

Фефилов-Пушкин масштабно вздохнул и вновь властно раскинул коньяк по своим золоченым емким чаркам (на каждой поясок из аккуратных бриллиантиков). Он на какое-то время потерял ко мне всякий интерес. Точно остался один в квартире. Один на один со своими полнотелыми «бабками».

— Что ж ты, успешный миллиардерщик, мне в прошлом году денег на издание тоненькой книжки для детишек не дал? — мутно усмехнулся я. — Как я тебя просил...

— Правду, писателишка и задрипанный пенсионер по совместимости?

— Правду... Если ты ее знаешь...

— Так вот секи: не про то пишешь... Идиотизм чиновников, хамство бизнеса и всенародная безысходная боль... Мутата! — Пушкин сладко раззевался, разводя плечи, и вдруг пальцами хлестко прищелкнул. — А ты холопскую гордыню свою и зависть к чужим вольным деньгам отринь и развесели меня, возвысь! Воспой даже! Может быть, тогда и отстегну твоей типографии тысяч пятьдесят из неучтенки. Секешь?

— А то, барин...

Звонки в дверь прекратились. Теперь по ней аккуратно стучали. Вернее, постукивали. Явно ладошкой слабого пола.

Я открыл и увидел две озорные губастые девичьи улыбки. Абсолютно студенческие.

— Здравствуйте, можно войти? Мы из штаба кандидата в депутаты Анатолия Ивановича Фефилова!

Сели рядом на диван, плотно сжав коленки. Огляделись, с какой-то стати хихикнули и, переглянувшись, благоденственно вручили мне предвыборную программу Пушкина. Календарик памятный. А потом пятьсот рублей под роспись в какой-то блефовой ведомости.

— Столько же получите, проголосовав за Анатолия Ивановича...

И тотчас излетели из моего вдовцового, болезненно искривленного

пространства, словно переместились в другое измерение, полноценное и гармоничное, куда мне вход запрещен отныне и навсегда. Лишь оставили тысячи летучих молекул весело-женственного «Опиума». Я их все до одной втянул в себя, точно дегустатор — аромат легендарного французского вина «Шато д'Икем» урожая, скажем, 1787 года и стоимостью под 100 000 долларов за бутылку. Виноград для этой уникальной реликвии был собран, когда на престоле в Париже еще находился Людовик XVI, а в США пост президента занимал Джордж Вашингтон. Так я ущербно подзарядился напрочь забытой женской энергетикой.

А уже через минуту, переведя дыхание, ринулся к Пушкину с забытой бодростью. Озорно помахал перед его цыганским носом «пятисоткой»:

— Не желаете похмелиться, ваше высокоблагородие?

Анатолий Иванович мучительно поежился:

— Через три часа Ритка повезет меня кодироваться...

— Второй раз за полгода?

— Третий...

— Тогда прими эти деньжищи на поддержание качества медицинских услуг.

— Откуда у тебя, пенсионеришка, такие крутые бабки? Наследство получил?

— Твои агитаторши меня озолотили. Только что. Еще и дамских духов с волшебными феромонами позволили чуток испить. Так что я сейчас чувствую себя одновременно Абрамовичем и Казановой.

Анатолий Иванович дернул головой так, будто невидимка попытался свернуть ему шею. Позвонки отчетливо хрустнули, точно в теле у него некто с явным удовольствием звучно щелкнул пальцами.

— Гламурные суки... — глухо проговорил кандидат в депутаты облдумы. — Я же их четко предупреждал: в мой дом не соваться! Извини, гнусная накладочка вышла. Мне стремно, сосед.

— Проехали... — снизошел я. — Чего не сделаешь во имя реализации своей программы спасения воронежской провинции. Деньги, однако, возьми. Передашь взад своим пиарщицам.

— Вот именно в зад... Разгоню всех... — всхрипнул Анатолий Иванович. — Клюнул сдуру на их оксфордское образование. А они лепят горбатого... Клип сняли, как я с мужиками в деревне на фоне Дона-батюшки водку пью из железных кружек. Венок из ромашек мне на голову нацепили. На мои встречи с народом каких-то заморских проповедников приглашают. Листовки развесили по всему участку, где надо мной ангелы парят...

— Пролетишь ты с ними, точно...

— Не наш менталитет... А ты что-нибудь в этом деле секешь?

— По нолям, господин Пушкин.

— А если поднапрячь мозги? Слабо?

— Моя стихия, как вы изволили заметить, всенародная безысходная боль...

— Ты еще и злопамятен... Запомни, такие, как я, всегда на высоте будут: и при коммунистах, и при фашистах, и при демократах! Потому служи мне угодливо и робко!

— А если по-соседски попросить? С чувством!

Анатолий Иванович сгреб меня за затылок, мирно усмехнулся:

— А ты еще не совсем погас на пенсии! Черт с тобой, прошу. Сердечно...

— В таком случае есть у меня одна идея.

— Валяй. Голубым меня, что ли, представишь? Или родственником Путина? А может быть, Медведева? Только никаких НЛО и предсказаний Ванги!

Я почувствовал в себе давно забытый азарт:

— Ты же потомок первого воронежского депутата — однодворца Ефима Фефилова! Се был человек вельми достойный и прослыл одним из любимцев Екатерины Великой. А нынче уважение к российской старине у русских людей в особой цене. Нравственной. Как благодатное для отдельно взятой души и всей державы в целом. Идем ко мне!

Я выложил перед Анатолием Ивановичем распечатку влет набросанных за три дня моих заметок о первородных депутатах Екатерины:

— Отныне это твое Евангелие. Учись на добрых примерах. Нам на их толкование потребуются одна ночь, три пачки «Примы» и легкая жрачка. Лучше всего чай с поджаристыми крендельками.

— Ты придуриваешься? Я твои тоскливые писульки видеть не желаю. Ты мне оскомину набил со своим нытьем о больной народной совести. Все пророком мнишь себя!

Однако Пушкин так-таки подвинул к себе повесть. Повел глазами:

«Прасковье Васильевне, жене воронежского губернатора Лачинова, генерал-поручика и кавалера, под утро был сон: молодая императрица Екатерина приплыла к их городу на красивом раззолоченном струге и, сложив у рта пухлые белые ладошки, напевно кличет ее мужа Александра Петровича.

Вняв за чаем ее рассказу, Александр Петрович поморщился и велел принести себе персидской гуляфной водки, настоянной на лепестках черной розы.

— А чем черт не шутит!.. — хватив две чарки подряд, философски произнес Лачинов, и генеральская суровость овладела им».

— Нормально! Наш был мужик! — приободрился Фефилов.

«Он велел срочно звать в свой канцелярский кабинет суконного мануфактурщика Семена Авраамовича Савостьянова, потом же героя-артиллериста подполковника Степана Титова, полицмейстера Ивана Судакова и коменданта Воронежа бригадира Александра Хрущева.

Как только комендант вбежал, генерал-поручик распорядился немедленно собрать ватагу самых ловких и трезвых плотников. Чтобы у реки к обеду поставить триумфальную арку, украшенную ажурными китайскими фонарями, гирляндами цветов и лучшими турецкими тканями, обязательно с вплетением золотых нитей. Суконщику предстояло приготовить подарочные куски блескучего расписного шелка. Герой-артиллерист потребовался Лачинову для организации торжественного салюта, а Судаков — для соблюдения достойного порядка.

Подполковник бодро доложил, что у него к такому моменту как раз имеются удивительные фейерверочные китайские снаряды, купленные совсем недавно по случаю на астраханском базаре у турецких цыган. Вообще, он был настроен решительно, по-боевому, потому что полчаса назад лично с вдохновением выпорол два десятка своих мужиков из села Ямного. Их вина состояла в том, что сегодня утром на учениях, которые он ежегодно устраивал под барабаны, они утопили пушку в бездонной луже в центре села, так и не совершив из нее ни единого выстрела.

В полдень Лачинов, несколько бледный, странно улыбающийся, вошел в комнату к Прасковье Васильевне и крепко обнял ее. Оказывается, запыхавшийся полицмейстер только что доложил ему: из-за Заячьего острова со стороны Дона вышла галера императрицы и бросила якорь на-

против наспех возведенной триумфальной арки. В ту пору плотники как раз вбивали последний гвоздь.

Увидев на палубе улыбающуюся красавицу императрицу в белом флеровом чепце и домашнем ватном шлафроке, подбитом горностаевым мехом, а также генералов ее свиты и иностранных посланников, работники посыпались с арки в реку, как лягушки с берега в воду, заприметив пикирующую цаплю.

— Эй, кто-нибудь! Что это за город? — озорно прокричала им Екатерина, точно она все еще была шаловливая девочка Софья-Августа, а не державная императрица бесчисленных российских народов. — Мы заблудились!!

Государыня не лукавила: даже в Сенате лишь недавно завелась карта России. И то по оказии. Екатерина, присутствуя на очередном заседании, случайно обнаружила отсутствие таковой. Когда сенаторы задумались назначить на Воронеж нового губернатора, вместо проворовавшегося прежнего, то стали спорить, где находится сей город. Поднялся настоящий базарный крик. Одни доказывали, что Воронеж располагается на границе с Польшей, другие утверждали, что его следует искать под Киевом. Тогда императрица вынула пять рублей из собственных денег и со вздохом послала обер-секретаря в Академию наук купить печатный атлас в подарок сенаторам. Потому ничего удивительного не было в том, что капитан ее галеры привычно вел корабль по памяти и спутал с излучиной главного русла Дона впадавшую в него крепкую, быструю реку Воронеж.

Карта картой, но, приняв корону, Екатерина скоро поняла, сколь все бедственно обстоит в ее государстве, а народ живет хуже, чем она думала. Ей многое открылось из того, знать о чем она ранее не была допущена. Скажем, то, как ее свекровь, императрица Елизавета, а позже и муж, император Петр III, несчетно присваивали казенные доходы. И то как Сенат с лукавым простодушием не ведал в точности бюджетной росписи. До восшествия на трон Екатерины в реестре доходов государства значилось шестнадцать миллионов рублей, но когда она велела генерал-прокурору при ней пересчитать их, то тех оказалось чуть ли не вдвое больше. Открылось, что все таможни России Сенат отдал на откуп высочайшим вельможам всего за два миллиона рублей, когда по независимым оценкам лишь одна петербургская тянула на все три. Ко всему при Елизавете лучшие казенные заводы, в первую очередь уральские металлургические, были безвозмездно переданы в частное владение таким столбовым царедворцам, как Петр Шувалов, Михаил Воронцов и Иван Чернышев. Мало того, этим далеко не безбедным людям Сенат еще и выдал из казны безвозвратно три миллиона рублей на обзаведение дела».

— Совсем как у нас в кризис было с раздачей безвозмездной госпомощи плачущим олигархам! — густо развеселился Пушкин.

«Ахнув от счастья, новые заводчики за месяц промотали ссуду в столице с купеческим азартом».

— Куршавель отдыхает!.. — нежно зажмурился мой кандидат в депутаты.

«А чтобы восстановить хотя бы частично свою азартную растрату, миллионщики прижали заводских мужиков — перестали платить им за работу. И на том получили бунт пятидесяти тысяч разъяренных людей, которых не сразу смогла усмирить специальная карательная команда с пушками.

Когда взошедшая на трон Екатерина потребовала от вельмож вернуть деньги, сии мужи искренне возмутились. Ведь те были давно растрачены.

А, как известно, у нас еще никто не отменял простую истину: на “нет” и спроса нет.

Тогда императрица и объявила свои знаменитые поездки, чтобы не из дворцовой дали, яснее увидеть проблемы так дурно до сих пор управляемого народа. Только так могла она понять, как восстановить попранную предшественниками честь державы.

Ее государственная душа желала справедливости, славы и богатства стране и народу, куда ее привел Бог.

Три морские шлюпки аккуратно отошли от императорской галеры. Гвардейские офицеры играючи работали веслами, точно ловко копали ими воду.

На приречном Острожном бугре пыхнул дымный залп пушки, ловко установленной только что тщательно поротыми мужиками подполковника Титова. Переливчатые фейерверочные шары блескуче нависли над рекой.

В храмах празднично зачастили колокола, но их перекрыли счастливые крики нарядной толпы. Встречать Екатерину выбежали почти все 14 635 человек, “обитающих” в городе, включая весь цвет дворянства и купечества, а также временных жителей. Многие неуемно плакали. У некоторых в руках горели церковные свечи. Эти воронежцы собирались поставить их во благо перед императрицей-матушкой, как перед иконой, но по распоряжению губернатора были прогнаны от греха подальше.

У триумфальной арки толпу как можно вежливей остановили солдаты. Далее пошел только генерал-поручик Лачинов с хлебом-солью. При том он несколько пошатывался. Только причиной была не гуляфная водка, не тяжесть высокого дородного каравая на золотом подносе, а неожиданность и величие сего исключительного момента.

Не доходя трех саженей, губернатор почтительно опустился на колено и невнятно проговорил:

— Счастливы приветствовать на Воронеже царицу земли нашей... Смею доложить, что у нас нигде нет недостатка ни в чем: народы здешние, что русские, что черкасы, мордва, мещера и татары, — все поют вашему величеству благодарственные молебны!

Екатерина аккуратно вздохнула:

— Я весьма люблю правду... И вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против меня без всякого опасения. А потому не жду от вас ласкательства, но единственно чистосердечного обхождения и твердости в словах.

Тут императрица оборотилась к свите своих министров и генералов и засмеялась.

— А не здесь ли год назад так счастливо воскрес мой бывший муж? Что скажете, господа?

— Точно так, царица-матушка! — громыхнул Потемкин. — Как раз после твоего июльского Манифеста о пороках самовластия здешний солдат Гаврила Кремнев назвался императором Петром Третьим и обещал воронежцам, что как примерит державную корону, так назначит самые справедливые законы и на двенадцать лет отменит налоги.

— Где же он ныне, Гришенька?

— На каторге в Нерчинске ждет казни с двумя ездившими с ним беглыми крестьянами. Их Гаврила величал своими генералами Румянцевым и Пушкиным».

— Во блин! — добротно всхохотнул Фефилов-Пушкин.

«Екатерина нахмурилась, но как-то нежно, снисходительно:

— Вели всех отпустить, как я допишу “Наказ” и объявлю для его обсуждения выборы первородных депутатов... Пусть почувствуют воры милость нового закона, по которому все будем далее просвещенно жить. Мои опыты свидетельствуют: употребление смертного наказания никогда людей не делало лучшими. Гораздо вернее предупреждать преступления.

Генерал-поручик Лачинов отчетливо перекрестился:

— Ныне мы все как один пребываем в глубочайшей смиренной верности вашему величеству! Озабочены лишь делами к поправлению города, пришедшего в упадок после прекращения петровского флотостроительства и недавнего страшного пожара. Правда, ныне у нас всего четыреста дворян против полторы тысячи курских и почти трех тысяч тамбовских. И купцов маловато... Тысячи полторы... Да и те, окромя нашего бургомистра Семена Авраамовича Савостьянова, по разным злоключениям пришли в упадок. И все же на Воронеже уже заведены смолокуренный и дегтярный промыслы. Приемщики постоянно отмечают отличную доброту наших сукон. Имеем мельниц до тысячи, богаты свечами и медом. Винный завод графа Разумовского налажен на аглицкий манир.

— Славно, кавалер... Только вы применяйте разные там европейские “махины” с осторожной умеренностью. Ибо они наряду с пользой наносят и вред государству, поскольку сокращают число людей, занятых рукоделием, чем множат бродяг.

Екатерина велела свите приблизиться и обласкала кавалера:

— Господа, согласитесь, что мы нашли славный город с чудной природой. Он может слыть столицею даже большого царства. Жаль, что не тут построен Петербург! Никто, вижу, не порывается жаловаться, значит, народ воронежский в самом деле нужду не терпит. Земля вокруг такая черная, как в других местах в садах на лучших грядах не видят. Одним словом, сии люди, как видно, Богом избалованы. А уж триумфальные ворота они поставили такие, как я еще лучше не видала! — Екатерина улыбнулась, бодро глянув в судорожное лицо Лачинова своими светло-серыми романтичными глазами. — Но как у вас в смысле благородного просвещения, Александр Петрович? Сколь развивается наклонность к театрам и чтению? Встаньте и отвечайте, друг мой.

Губернатор отчаянно промокнул губы обшлагом мундирного рукава:

— В Воронеже при архиерейском доме организовали цифирную школу для науки молодых ребяток изо всяких чинов людей! Жалованье учителям положили в день одну гривну. Однако, ваше высочество, дворяне детей в школы не привозят, видя в учении один грех... А хитрые посадские люди завалили меня челобитными о нехватке рабочих рук, чем в итоге вынудили освободить их детей от обучения цифирным наукам.

— Докладывали мне, что ты учеников рекрутировал силой, а школьных беглецов, невзирая на их малый возраст, велел держать в остроге и за караулом.

— Добра их ради и воспитания нравов... — побледнел Лачинов. — Вон наш слободской однодворец Ефим Иванович Фефилов по своей воле тщательно отучился в цифирной школе, потом ездил с разумением слушать лекции в Московском университете, через что стал заметно преуспевать в делах. Урожаи у него наивысшие. Своя собственная извозчичья биржа на Большой Дворянской. Многие воронежцы требуют именно его лихачей через их культуру обхождения с ездоками... У Ефима, как не у всякого помещика, одиннадцать душ крепостных, и всякая их семья в добром достатке. Только последнее время, по донесению полицмейстера,

что-то наш Фефилов крепко прилепился к стихосложению... Не начудил бы чего...»

— Как про себя читаю... — смущенно улыбнулся Анатолий Иванович. — Поэтическими коликами, правда, никогда не страдал, но картины в свое время неплохие рисовал. Маслом. Подарю тебе как-нибудь одну. Они у меня на даче, на мансарде развешаны. Для шарма!

«Екатерина склонила голову:

— Занятно... Я в своих путешествиях с таким еще не сталкивалась. Разве что до глубины души взволновал меня молодой живописец Владимир Боровиковский, из Кременчуга... Призываю тебя, кавалер, не сомневаясь, оных людей примечать достойно, любя со всего сердца. Так что управляй кротко и снисходительно. Ведь мы сотворены для блага нашего народа. Не так ли? А теперь зови ко мне вашего пиита! Ежели твой Ефим мне приглянется, ей-богу, Вольтеру и барону Гримму про него лестно отпишу.

Полицмейстер Иван Судаков стоял достаточно далеко от императрицы, как бы растворившись в городской толпе, но по долгу службы все слышал, вернее, обо всем говорившемся особым образом по губам бдительно читал. Поэтому ждать распоряжения от губернатора об однодворце Фефилове не стал. Ради быстроты исполнения он тотчас велел своим людям резво скакать за Ефимом в Троицкую слободу, а если того дома не окажется, лететь в губернскую канцелярию, к стряпчему Герасиму Грязнову, который их пиита первый друг и может точно указать, где того сыскать на данный момент. При том он сообразительно указал гонцам, чтобы садились не абы на какую лошадь из укрытых на всякий случай за прибрежными осокорями, а брали именно кабардинцев. Они хотя и неказисты с виду, но по воронежским холмам идут азартней любых других, а загнать их почти невозможно — они по сто пятьдесят и двести верст в день без остановки славно отмахивают.

Не успела Екатерина отведать воронежский душистый каравай и красный бархатный мед, как уже комендант города и полицейские чины лично привели однодворца Фефилова, крепко держа его под руки, точно базарного вора.

Перед императрицей они сноровисто повалили Ефима на колени. Тот побледнел, но страха в его глазах не было нисколько.

— Поднимите моего гостя и отойдите прочь, холопы... — тихо, с чувством неловкости проговорила Екатерина.

Фефилова подкинули на ноги. Он машинально повел плечами, и все четверо доставивших его чинов попадали навзничь. Императрица засмеялась, совсем по-девичьи присев.

— Здравствуй, Ефим. Надеюсь, я своим бабьим любопытством не оторвала тебя от серьезных занятий?

Фефилов покраснел и, не найдя сил ответить, принялся отряхивать свои праздничные черные в мелкий горошек портки, заправленные в легкие хромовые сапожки. При этом раздался мелодичный перезвон. Дело в том, что по просьбе Ефима знакомый мастер из Бутурлиновки исполнил ему сапоги с колокольчиками — медными оболочками, начиненными дробью, которые вшивали в каблуки. При ходьбе или танце они щегольски звучали, точно шпоры. Ко всему сапожки были оборудованы подковками из такого особого металла, что если ими зацепить, скажем, булыжник мостовой, то они пускали из-под ног сноп пышных белых искр».

— Точно такие мы себе в армии поставили на «кирзу» перед дембелем! — восхитился Анатолий Иванович.

«Екатерина еще раз попыталась разговорить Фефилова:

— Слышала, ты не только грамотный и рачительный хозяин, но еще стихи сочиняешь?

— Безделица... Токмо стыдно за то... — отозвался он глухо, покаянно.

— И как давно ты взял в руки перо?

Ефим отчаянно вздохнул:

— Года как четыре...

— И что же подвигло тебя к сочинительству? Не чтение ли Вольтера или Петрарки?

— Простите меня, ваше величество... Недостоин я, раб, не то чтобы говорить с вами, а и стоять близко...

— Я требую честного ответа! — забавно поморщилась Екатерина. — Мне будет крайне интересно услышать правду. Не постыжусь признаться: твоя императрица больна драмоманией. Пишу пословицы, водевили, комедии, оперы и исторические представления из жизни Рюрика и Олега. В тщетное подражание Шекспиру. А вот со стихами сладить не могу.

Фефилов с трудом поднял голову:

— Вашего величества июльский Манифест увлек меня к перу и бумаге...

— И что же ты в этом документе для себя поэтического нашел?

— Я обрел через него великое душевное волнение. Особливо когда дочитал до того места, где вы обещали изменить прежний образ правления в стране и справедливыми законами вывести народ из уныния и оцепенения. А ваши слова «Я хочу сделать людей счастливыми» мне хотелось прокричать на весь Воронеж...

— Сей ответ большой похвалы достоин. Таким лестным отзывом, молодец, ты туманишь ясность моего ума и соблазняешь мое холодное сердце... — величественно вздохнула Екатерина. — Будь любезен, прочти мне на выбор из твоих опусов!

Фефилов ссутулился:

— Стыдно...

— Не ломайся, не красна девица.

Он перекрестился и сделал шаг вперед. Начал тихо, но скоро заговорил в голос:

Мать Россея, мать Россея...
Мать российская земля.
Про тебя, мати Россея,
Далеко слава прошла.
Мать российская земля
Много крови пролила.
Святорусская земля
Много горя приняла,
Прошла слава про тебя!

Екатерина медленно, некрупными шагами подвинулась к Ефиму:

— Спасибо, миленький. Тронута. Хотя я более тянусь к стилю и манере французской литературы с ее изящным и остроумным балагурством... Да чего другого можно от меня, глупой, ждать? Не следуй мне. А вот одно скажу тебе при всех: очень бы желала видеть тебя в первородных депутатах, коих выборы в следующем году объявлю по всей России. Верю, что сии сыны Отечества в будущие роды оставят о себе незабвенную память новыми законами жизни державы. А теперь прощай, служитель муз. Прощай и ты, милый Воронеж!

Губернатор как прорыдал:

— Государыня!!! А парад, праздничный обед, маскарад?!! Смилуйся!! Не покидай!.. Осиротеем!!!

Императрица эффектно обернулась и подала ему знак приблизиться.

Лачинов бросился с такой резвостью, что кони стоявшей неподалеку ослепительно-белой итальянской кареты с хрустальными оконцами, которая была приготовлена купцом-суконщиком Савостьяновым для въезда Екатерины в Воронеж, дернулись и нервно заржали.

— Сегодня же вручишь из казны пятьсот рублей гонорара Фефилову за стихотворное сочинение. Как только вернусь в столицу, тотчас велю возместить тебе сии поэтические расходы... — сухо объявила губернатору императрица.

Лачинов робко пожался:

— По причине временного оскудения доходов дозволь сделать это немного погодя?.. Скажем, в следующем году... Липецкие железные заводы меня подвели. Никак не расплатятся за древесный уголь. К тому же с этой осени мы собираемся завести в городе прибыльное сахарное производство...

— Немедля исполни, — твердо постановила Екатерина.

— Разве что из резерва медными пятаками, царица-матушка?.. Но это полную телегу придется ими нагрузить! Потом же при пересчете десяти тысяч пятаков никак не обойтись без ошибок...

— Мою корону оскорбишь этим, дурак... А засим поклон твоей милой Прасковье Васильевне.

Императрица дала гвардейцам знак готовить возвращение на галеру.

Через полтора года, с середины декабря 1766-го, по всем церквам три воскресенья подряд читали Манифест об избрании всенародных депутатов из лучших сынов Отечества, чтобы от них выслушать нужды и чувствительные недостатки каждого места державы. Потом им следовало приступить к усердной работе в комиссии для составления свода новых законов России.

В комиссию должны были войти представители Сената, Синода, коллегий и канцелярий, а также от каждого уезда и города, разных служб служилых людей, черносошных и ясачных крестьян, не кочующих народов, казацких войск и войска Запорожского, потом же однодворцев, коих только в Воронежской провинции числилось на то время ни мало ни много 85 444 человека. Лишь крепостные крестьяне отсутствовали в этом реестре; было решено, что их интересы представят помещики.

Звание первородных депутатов объявлялось привилегированным, предельно высшим. К каждому из них, будь то самый что ни на есть простой мужик, окружающие (хоть трижды графья) должны будут обращаться не иначе как “господин депутат”. А чтобы члена комиссии “Нового Уложения” можно было узнать без путаницы, правительство назначило всем господам депутатам носить на золотой цепи особые, выдающиеся золотые медали, которые им потом во всю жизнь останутся. Лишь по смерти депутата эту медаль, еще называемую жетоном или знаком, следовало сдать в казну на вечное хранение.

Согласно списку регистрации, их вручили 652 штуки. Каждый знак был размером 42 миллиметра на 36 и обошелся казне в 67 рублей 89 копеек. На лицевой стороне имелось изображение вензеля императрицы Екатерины II. Оборотная содержала гравировку пирамиды, символизирующей Закон, освященный короной Всероссийской империи. Вверху медали по овалу дугой шла надпись: “Блаженство каждого и всех”, — выражавшая

главный смысл статей екатерининского “Наказа”; внизу, под обрезом пирамиды, в две строки стояла дата: “1766. года декаб. 14”.

Особым указом императрицы депутатам-дворянам по окончании работы комиссии, но никак не прежде, дозволялось сии знаки поставить в свои гербы, дабы их потомки знать могли, какому великому делу те участниками были.

После избрания и на всю их жизнь депутаты подпадали под собственное охранение императрицей и престолом. В какое бы прегрешение они ни впали, так тотчас освобождались по выяснению личности от ареста, пыток, телесного наказания, а тем паче от заключения в острог или смертной казни. Кто же на народного избранника нападет, ограбит, прибьет или убьет, тому повелевалось учинить наказание вдвое против того, что в подобных случаях обыкновенно присуждается».

— А вот этого у нас и поныне нет... Прослабились перед матушкой-царицей! — досадливо вскрикнул Анатолий Иванович.

«Имущество депутатов подлежало конфискации только за долги. Еще оговаривалось, что судить их за преступления, караемые смертью, все же можно, но исключительно после личного разрешения императрицы, которая будет особо и насколько возможно благожелательно рассматривать каждый случай.

И такой прецедент однажды случился, когда Екатерина повелела судить неприкосновенного первородного депутата и даже отрубить ему голову. Был то Тимофей Падуров, казачий офицер, ставший волею судеб ближайшим соратником “маркиза” Пугачева.

Кроме всех этих особых привилегий, депутатам назначалось немалое годовое жалованье от казны сверх получаемого по службе или через доходные дела: дворянам по 400 рублей, горожанам по 122, всем прочим — по 37».

— Господин пенсионер, ты переведи эти деньги на конкретные товары, чтобы мне можно было их силу или слабость к сегодняшнему дню примерить... — построжел Анатолий Иванович. — Хочу убедиться, кто щедрей: Екатерина или наше нынешнее руководство?

— Бери калькулятор.

— Я схвачу суть на лету.

— В общем, Анатолий Иванович, когда на следующий год летом воронежские депутаты прибыли в Москву, они сняли для себя самые модные квартиры в центре.

— Понял. Не хило.

— Еще бы. Но это обошлось каждому примерно по 20 рублей, включая достойное питание от хозяев.

— Догоняю... — закрыл глаза Анатолий Иванович. — Итак, раскинем. Я недавно был в Москве по своим предвыборным делам, заручался поддержкой серьезных людей... Жил месяц. В так называемой элитной квартире возле метро Профсоюзная, на Нахимовском проспекте. Без харча. Перебивался по дешевым ресторанам. Тем не менее с меня за хату взяли наликом две тысячи сто долларов. То есть примерно 63 000 рублей. Теперь годовой квартирный двадцатник депутата Екатерины делим на 12 и получаем 1,6 рубля платы за месяц. При месячном денежном довольствии в 33 рубля и 33 копейки. То есть он платил в 20,8 раз меньше за квартиру, чем получал от Екатерины. А зарплата нынешнего депутата Госдумы около 150 000 рублей. При этом получается, что почти половину этих денег им бы пришлось отдать за жилье. Вывод: материальное положение депутатов Екатерины не идет ни в

какое сравнение с толщиной кошельков нынешних слуг народа. Оно было неоспоримо выше.

— Так вы откаты не учли, Анатолий Иванович...

— Все это шито-крыто и бездоказательно. Я предпочитаю иметь дело с официальными цифрами. Воистину Екатерина — великой щедрости баба!

— Хотите, еще цифры подсыплю?

— Да и так все ясно...

— Вообще, по тогдашним ценам депутаты Екатерины ни в чем недостатка не испытывали. Первопрестольной фунт говядины был 2 копейки, курица — 5, десяток яиц — 2. Фунт отменной курдючной баранины тянул в среднем на 14 копеек. А вот за жареного рябчика могли и все 30 запросить. Пуд коровьего масла стоил 2 рубля. Бутылка французского шампанского обходилась в 1 рубль 50 копеек, а портера английского — 25 копеек, красного бордоского — 30. За десяток апельсинов давали 25 копеек, за десяток лимонов — всего 3. Фунт рафинада влетал в 2 рубля. Обед в первом трактире с пивом опустошал кошелек на 30 копеек, а «гастрономический» ужин с десертом и вином в лучшем заведении не превышал 2 рублей. Если душа желала веселья, то за проход на маскарад или танцевальный вечер платили 1 рубль, за посещение открытого театра 2, увеселительного сада — 25 копеек. За починку золотых часов мастера обычно требовали 5 рублей, серебряных — 1 рубль 50 копеек. Наемная карета с шестеркой лошадей и кучером обходилась рублей в 60 за месяц.

— Что-то поесть плотно захотелось после твоих гастрономических примеров... — ребячески улыбнулся Анатолий Иванович. — А где же, кстати, Ритулька? Хотя кодироваться мы уже так и так опоздали... Может быть, в таком случае... за коньячком?

— Как изволите, ваш бродь.

— А я пока дальше почитаю. Только через лист или даже через два. Не обижайся, господин пенсионер. Я вообще больше трех страниц не выдерживаю. Будь то доклад или «Война и мир». Озноб сразу какой-то начинается в голове...

Анатолий Иванович виновато поморщил нос.

«Тотчас по объявлению высочайшего Манифеста генерал-поручик и кавалер Алексей Михайлович Маслов, с апреля новый воронежский губернатор, безотлагательно призвал к себе купца Семена Авраамовича Савостьянова, подполковника Степана Титова и однодворца Фефилова.

Первым товарищ губернатор пригласил на аудиенцию коренного дворянина и героя взятия Берлина, потом купец-фабрикант вошел для беседы в приемный зал. После них к губернатору допустили Ефима.

Сбросив мужицкий суконный армяк, тот явился перед генерал-поручиком в модном французском кафтане со стразовыми пуговицами, глазетовом жилете и туфлях с серебряными пряжками. Этот парижский гардероб он выторговал у бывшего куратора воронежской цифирной школы московского академика Афанасия Протасьевича Фролова, когда тот вместе с другими учителями принял окончательное решение вернуться в первопрестольную из-за полного отсутствия на Воронеже учеников. Которые были и те разбежались из классов по лесам и глухим деревням — куда подальше от греха знаний. Не искать же их было с солдатами, как делал прежний губернатор Лачинов...

При виде французского наряда Ефима Маслов сдержанно улыбнулся:

— Любезный мой! Есть мнение избрать тебя депутатом от однодворцев воронежской провинции. Если это удастся, поедешь в Москву, и возмож-

но надолго. Может быть, на несколько лет. Ты готов? Извоз будет на кого оставить? Хозяйство?

— Мой народ любое дело потянет. К тому же управляющий Сторожилов во всем разбирается не хуже меня, — сдержанно проговорил Фефилов. — Только могу ли я сам быть чем полезен в первопрестольной? Со свиным рылом в калашный ряд? Не дай бог, осрамлюсь...

— Давай ближе к делу, Ефимушка... — поморщился Алексей Михайлович. — Начнем с того, что распределим наши с тобой обязанности. Моя — обеспечить твое избрание в депутаты столь мудро, чтобы не причинить обиды нашей царице-матушке, бодро пекущейся о народной свободе предпочтения кандидатов. Она строго требует исполнить эту процедуру с тихостью, учтивостью. Избирателей ни в коем случае не переманивать ни деньгами, ни водкой, ни угрозами».

Анатолий Иванович аккуратно засмеялся.

«Постарайся склонить поверенных выборщиков на свою сторону ласковыми посулами. Крепко запоминай, любезный, что народу обещать будешь: во-первых, обязательно аптеку устроить, больницу, сиротский дом и богадельню; во-вторых, открыть казенный хлебный магазин на случай неурожая, дороги вымостить; в-третьих, решительно пресечь мздоимство моей губернаторской канцелярии, магистрата и полицейской части. Неплохо бы заверить всех подлых людей, кои в землянках и шалашах за пограничными валами бедствуют, что обеспечишь их доступным жильем».

— Кстати, все это классно использовать и в моей предвыборной программе! — солидно проговорил Анатолий Иванович.

«Фефилов нахмурился:

— А коли наши люди встречаться со мной не захотят? Многим покоя не дает, что мои мужики и бабы каждый десятка помещичьих стоят. Взять хотя бы тех же титовских: пусть они и за знаменитым подполковником записаны, но толку — лежебоки, ни деревца около дома, ни цветов, а окна затыкают грязными подушками. Агрономии не знают, пашут мелкими сошками, строятся кое-как. Все у них в хозяйстве настежь. В пище одна скудность: пироги из темной муки как резиновые, мясо рваными кусками, кисель мутный.

— В этом плане кому-кому, а тебе, Ефимушка, несказанно повезло. По всей губернии идет слава про твою Агриппину. Цены бабе нет по гастрономической части! Да и по любой другой, извини... — приятно улыбнулся губернатор.

Так повелось, что воронежские однодворческие женщины, в отличие от крестьянских соседок, необыкновенно хорошо готовили. И в праздник, и в будни — на удивление. Но Агриппина кухарила по-царски: смело бери любое ее кушанье и неси хотя бы в Зимний дворец на славное угощение императрицы или ее почтеннейших заморских гостей. Стол у Агриппины был с виду без изыска, зато всегда разнообразный и сытный, с удивительными придумками. Скажем, к Пасхе она не просто посадит в печь баранью ногу, но обмажет ее травной горчицей, сметаной, а потом все это запечатает сверху ржаным тестом, но не плотно, чтобы мясо могло дышать и бодро двигать соки. Так что праздничали гости у Фефилова всегда самобытно. Первым на покрытый чистой холщовой скатертью стол Агриппина водружала блюдо с нарезанным теплым хлебом-ситником, политым коровьим маслом. В память о поклонении хлебу Ефим обносил им всех присутствующих. Пили поочередно из одной серебряной чарки. Следующая перемена — холодец из разных мяс, на манер окрошки залитый густым пенистым белым квасом с хреном и горчицей. Тут каждому вволю ставили

травник, то есть особой крепости водку на зверобое, аире и китайском корне. Закусывали все это разномастными пирогами, кулебяками, среди которых обязательно были с белой рыбой, со стерлядью, утятиной, маком и сарацинским пшеном с яйцами. После бараньей ноги или поросенка, на лесном костре жаренного, Агриппина в обязательном порядке ставила жирную лапшу из индейки с черносливом и мочеными лимонами. На десерт несла молочную кашу с земляничным или малиновым вареньем. Пили под нее лесные меды и свойское черное густое пиво».

— Достал ты меня, господин пенсионер! — гулко простонал Анатолий Иванович. — Пиццу, что ли, на дом заказать? Лучше две...

Он раздраженно перекинул несколько листов.

«А накануне выборов в феврале 1767 года генерал-поручик Маслов получил из столицы с государственным ямщиком для особых поручений пакет, содержавший секретные дополнения к обряду избрания депутатов. В первую очередь в нем подчеркивалось, что все кандидаты на эту великую должность должны быть нравственного образа жизни, а также честного и незазорного поведения: ни в каких штрафах и подозрениях и явных пороках не бывалых, годами не младше тридцати, непременно женатых и при детях немалым числом.

Губернатор срочно призвал Ефима:

— Тебе надо немедля жениться, молодец... Не обессудь. Просто-таки в одночасье. Так требует новый обряд для депутатов, который намедни мне прислали из Петербурга.

— Оно, конечно, странно... — замялся было Ефим.

— Хочешь стать государственным человеком — еще не раз придется многими личными интересами и привязанностями жертвовать! Это я тебе как губернатор говорю, который давно забыл, что такое жить для себя... В общем, девка какая у тебя на примете есть? Или придется просить моего полицмейстера стать на время твоей свахой? Судаков обо всех про все знает больше, чем они сами о себе. В том числе и про меня... С хорошим приданым подыщем тебе женку. С господином депутатом пойти под венец любая согласится. Даже из дворяночек или поповских дочек!

Фефилов покраснел:

— Моя Агриппина, ваше высокоблагородие, уже десять лет того только и ждет, чтобы венчаться нам...

— Слава богу! Хвалю. Сотворим сие в одночасье, — перекрестился Маслов. — Но вот еще незадача, Ефимушка. Надобно, чтобы у вас были дети... А как вы ими теперь обзаведетесь по-людски, если до выборов две недели осталось? Придется мне с отцом Иоанном пошептаться. Может быть, настоятель какую хитрость придумает для вас?

— Не надобно вводить батюшку в грех, ваше высокоблагородие. Господь все ранее уже предвидел. У нас с Агриппиной два мальца и девка растут... — смущенно доложил Ефим.

— Гора с плеч! — порывисто обнял его Маслов. — Экий пострел! Я бы пропал в глазах царицы-матушки со всеми потрохами, коли не смог бы тебя в депутаты провести по ее высочайшему желанию!

Генерал-поручик взволнованно прогулялся по приемному залу, с облегчением надувая щеки и шевеля густыми, матерыми бакенбардами, точно крылами.

Через два месяца весной в Воронеже прошли выборы депутатов в Комиссию об Уложении с точным соблюдением установленного высочайшим указом обряда. Голосование уездные поверенные исполняли шарами, бросая их в ящик, крытый красным сукном и поделенный на две

части: на одной было написано “Избираю”, на другой — “Не избираю”. Законными депутатами становились те кандидаты, которым воронежцы отдали более половины шаров.

Подсчет результатов совершил предводитель комиссии стряпчий Герасим Грязнов на глазах у избирателей. И сделал это несколько раз для безошибочности. От уездных дворян прошли вперед иных соискателей, набрав гораздо более половины шаров, подполковник Степан Титов, от городских жителей взял верх бургомистр и фабрикант Семен Савостьянов. От однодворцев провинции все до одного шары получил Ефим Фефилов. Злые языки говорили, что выборщикам очень уж желалось оказаться на праздничном обеде у его жены. Ведь буква обряда не только предписывала избирателям поздравлять господина депутата, но и ему нижайше благодарить их, что, само собой, по-воронежски было невозможно исполнить на должном уровне без широкого застолья».

— По такому случаю я бы тоже поляну накрыл! — нежно зажмурился Анатолий Иванович и машинально перешагнул в чтении далеко вперед. Видно, в голове уже зазнобило.

«20 июля 1767 года старая, но все еще на ходу золоченая немецкая карета, самая представительная среди экипажей фефиловского парка, защелкала колесами по камням Ново-Московской улицы. Карету бодро тянула шестерка рысаков, недавно выведенных на здешнем конном заводе генерал-адмирала графа Алексея Орлова. Эти статные, в яблоках, мощные кони сразу же стали особыми любимцами Фефилова за их силу и несравненное умение, несмотря на вальяжную с виду поступь, достойно и широко гарцевать.

В отличие от прежних Земских соборов, где избранный сам нес бремя расходов на поездку и пребывание в столице, первородным депутатам Уложенной комиссии, независимо от сословия и состояния, впервые в России предоставлялось множество льгот и привилегий, а также всемерная денежная поддержка на каждом шагу. Оплачивались как путевые трактирные расходы без мелочного учета съеденного и выпитого, так и выделялись достойные средства на помощь бедным, погорельцам, сиротам и вдовам, ежели те ударят челом господину депутату Христа ради.

Перед поездкой в Москву Фефилов, не желая быть в первопрестольной подобным черному деревенскому мужику, который на солнце валяется, чаще других книг держал в руках “Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению” — правила поведения в обществе, свете и при дворе. Он твердо усвоил из него такие морали, чтобы всегда глядеть весело и приятно, не коситься на людей; в сапогах не танцевать; в обществе плевать в сторону; пальцем носа не ковырять, ножом зубов не чистить; головы не чесать... Так что не красного словца ради на встречах с избирателями стряпчий Грязнов, который был доверенным лицом Ефима, не упускал случая подчеркнуть, что Фефилов “просвещенный без наук, природою награжден”. Ко всему достаточно начитан по воронежским меркам. Все новые книги из лавки на Сенной площади* имелись у него. Любой вкус могла удовлетворить библиотека Ефима. В ней были как Четьи минеи, опера “Мельник — колдун, обманщик и сват”, повести “О Бове-королевиче”, “О царице и львице”, “О споре жизни и смерти”, так и сочинения протопопа Аввакума, Шекспира, Плутарха и Локка.

В Москве воронежцев с первых минут обласкали специально приста-

* Ныне имени Ленина.